УДК 316.4

ЦЕННОСТНО–СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ

Яркова Елена Николаевна,
Тюменский
государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: mimus.lena@mail.ru

Аннотация

Проблема анализа инновационного потенциала общества может быть конкретизирована как проблема анализа культуры – ценностно-смысловой основы человеческой деятельности. Существуют как инновационные, так и антиинновационные по своему семантическому содержанию культуры. Антиинновационна традиционная культура. Частично инновационна утилитарная культура. Инновационна креативная культура. Типологическую триаду – традиционализм, утилитаризм, креативизм – следует рассматривать как инструмент анализа инновационного потенциала общества.

Ключевые понятия:
инновации, деятельность,
культура, ценности,
смыслы, традиционализм,
утилитаризм, креативизм,
инновационная активность,
инновационная восприимчивость.

В современном постоянно обновляющемся и усложняющемся мире инновационная деятельность, т.е. деятельность по созданию, применению, распространению и использованию новшеств, превращается, по сути, в безальтернативную стратегию бытия. Вместе с тем нельзя утверждать, что нацеленность на возрастание инновационной активности есть некоторое изначально заданное качество человека, атрибут человеческого естества. Напротив, по своей природе человек скорее консервативен. Корни этого консерватизма – в историческом прошлом, когда страх утраты накопленного опыта – сформированных посредством проб и ошибок продуктивных стратегий бытия – приводил к ритуализации этих стратегий, их превращению в непоколебимые правила поведения и деятельности. Можно утверждать, что и в «герое нашего времени» жив его далекий предок – архаичный человек, являющийся воплощением догматизма и ритуальной предопределенности поведения и деятельности.

Таким образом, одним из основных противоречий современного общества является противоречие между присущим человеку консерватизмом и жизненной необходимостью инноваций. Преодоление, «снятие» этого противоречия – сложная проблема. Современная инноватика свидетельствует, что формирование инновационной активности обусловлено рядом факторов – политических, экономических, социальных и т.д. Как представляется, важнейшим из таких факторов является культура. Речь идет о культуре как системе ценностей и смыслов, составляющих мотивационную основу человеческой деятельности. Именно культура выступает как главный ориентир деятельности человека, ее путеводная звезда.

Культура человечества бесконечно богата и разнообразна, однако, концептуализируя это разнообразие, можно выделить некие типы культуры инновационные или антиинновационные по своему ценностно-смысловому содержанию.

Антиинновационна по своему духу традиционная культура. Традиционализм рождается в результате осмысление мира как условие существования человека – незыблемого порядка, установленного вне участия человека, который следует принимать, которому следует подчиняться. Этот порядок определяется как заданная неким верховным началом и не подлежащая ре-

визии традиция. Человеческая деятельность в рамках традиционализма целиком подчинена передаваемой от поколения к поколению традиции. Следовательно, традиционная культура – это культура статического типа, закрытая для притока инноваций.

Важнейшим смысловым элементом, создающим заслон инновациям, в традиционной культуре выступает стагнация, «замораживание» представлений о потребностях, их ограничение фиксированным посредством обычая набором благ. Конечно, этот набор у разных сословий мог быть различным, однако важно, что у их представителей не было и тени стремления изменить его. Концентрированным выражением этого феномена можно считать хозяйственную культуру первобытного мира. Согласно М. Салинзу, главная цель примитивной экономики – поддержание установленных стандартов жизни. Типичный для архаичной культуры низкий стандарт жизни порождал такое явление, как достаток без реального изобилия, выраженный в формуле «Кто ничего не желает, тот ни в чем не нуждается» [6, с. 28].

Статика потребностей определяет статику производства – ключевым способом блокирования инноваций в традиционной культуре является утверждение в качестве модели воспроизводства культуры и общества простого воспроизводства, т.е. воспроизводства в неизменном виде. Традиционализм есть не что иное, как консерватизм, нацеленный на удержание и воспроизведение сложившихся форм жизнедеятельности. Такого рода антиинновационную сущность традиционной культуры демонстрируют связанные с крестьянским трудом русские пословицы, например: «Всякие вычуры/Портят обычаи» [9, с. 15, 21]. Традиционная культура догматична, технологии жизнедеятельности канонизированы, находятся вне компетентности человека, определяются как заданные неким верховным началом эталоны, трудовые процессы синкретически слиты с ритуалом. Такого рода ритуализированность деятельности хорошо иллюстрируют слова Мамардашвили: «Не сеют и жнут, а миф инсценируют и разыгрывают» [5, с. 184].

Труд в традиционной культуре осмысливается как условие существования человека, соответственно, он понимается как служение или повинность. В области трудовой мотивации традиционалист в целом ориентируется не на материальные или творческие стимулы, но на выработанную привычку исполнения долга. Для определения смысла труда в традиционной культуре подходит оксиморон «тяжкое благо», который определяет труд как необходимость, навязанную извне обязанность, мучительное бремя, неизбежное зло. Соответственно, традиционализм пролонгирует минималистскую этику труда, предписывающую работать столько, сколько необходимо, чтобы удовлетворить установленный стандарт жизнеобеспечения. Такого рода особенность была отмечена Чаяновым, который утверждал, что целью российского семейного крестьянского хозяйства являлось удовлетворение жизненных потребностей всех членов семьи как «едоков», поэтому: «…объем хозяйства семьи зависит всецело от числа едоков, а отнюдь не от числа работников» [12, с. 241]. Традиционализм конституирует хозяйство без предпринимателя, поскольку здесь отсутствует смысловая основа предпринимательской деятельности – предприимчивость, достижительность, рационализм. Традиционализм, в сущности, антирационален, он исключает саму возможность критического анализа сложившихся образцов жизнедеятельности, их разумного переосмысления. Е.Шацкий, например, утверждает: «Выбор в пользу прошлого исключает, в частности, апеллирование к разуму в вопросе принципов поведения; исключает необходимость поиска каких бы то ни было принципов. Сохраняя верность предшественникам, мы должны вести себя так же, как они, не спрашивая «почему» и «зачем»» [13, с. 401].

Таким образом, традиционная культура накладывает табу на инновационную деятельность, которая в ее контексте оценивается как маргинальное явление, как подлежащее искоренению извращение традиции.

В определенной мере инновационной является культура утилитарного типа. Смыслообразующим принципом этой культуры является восприятие мира как средства, т.е. с позиций человеческой пользы. Утилитарное, но не сакральное отношение к миру ориентирует человека на поиск ситуационно эффективных форм жизнедеятельности. Утилитарной культуре, в той или иной мере, свойственна инновационная активность, открытость для притока инноваций [14].

Исходным способом разгерметизации культуры в рамках утилитаризма является, очевидно, модификация представлений о

потребностях человека, рождение установки на рост благ, повышение благосостояния. Такого рода модификация связана с усложнением материальной культуры вследствие кризисов, обусловленных исчерпанием ресурсов, дефицитом благ, необходимых для удовлетворения потребностей, и поисков путей их преодоления. Впрочем, катализатором изменения представлений о потребностях может быть и демонстрационный эффект. Важно, что появление установки на повышение благосостояния становится побудителем инновационной восприимчивости и отчасти – инновационной активности. Динамика потребностей определяет динамику производства. В рамках утилитаризма осуществляется переход от простого воспроизводства культуры и общества к расширенному. Утилитарный тип воспроизводственной деятельности можно было бы назвать смешанным, поскольку он соединяет две противоположные стратегии. Смысловая система утилитаризма двойственна – консервативна и инновационна, она не поощряет высокое творчество, которое представляется ей бесполезным занятием, зато санкционирует полезное изобретательство, усовершенствование материальной сферы культуры, поэтапную инженерию, тем самым открывая простор технологическим инновациям. Утилитаризм продуцирует специфическую, ограниченную рамками средств форму прогресса – инструментальный прогресс. Утилитарная экономическая культура содержит в себе некий смысл, который обеспечивает изменчивость, мобильность этой культуры. Этим смыслом является принцип пользы. Поскольку польза и вред – понятия относительные, культура утилитарного типа адогматична, поведение хозяйствующих субъектов подчиняется утилитарным требованиям – таким образом, право установления технологий деятельности передается человеку.

Труд в рамках утилитаризма позиционируется как средство достижения благосостояния. Происходит десакрализация труда, его отделение от ритуала. В области трудовой деятельности утилитарист в целом ориентируется на материальные стимулы. Вследствие этого осуществляется переход к максималистской этике труда, ориентирующей на увеличение производительности труда, максимизацию трудовых процессов. Утилитаризм отменяет отношение к труду как к служению, однако самоценность труда здесь отсутствует, поскольку труд рассматривается лишь как средство достижения желанной цели – благосостояния, богатства. Такое отношение к труду иллюстрируют слова У. Джевонса, который писал: «Я называю трудом любое болезненное напряжение ума или тела, претерпеваемое, полностью или частично, ради получения будущего блага» [15, с. 168].

Именно утилитаризм, полагающий в качестве всеобщего основания культуры пользу человека, общества, выступает в качестве ведущей мотивационной основы предпринимательства. В рамках утилитаризма зарождаются такие смысловые феномены, составляющие основу предпринимательской деятельности, как предприимчивость, достижительность, рационализм. Утилитаризм становится импульсом рационализации деятельности. Поскольку стратегии деятельности в условиях утилитарно ориентированной ментальности теряют заданный характер, их определение становится проблемой. Решение этой проблемы требует определенных аналитических размышлений, взвешивания всех «за» и «против». Конечно, этот анализ не идет дальше принципа «отнесения к полезности», тем не менее он создает стимул для развития рефлексии, критического мышления. В ходе утилитарно-аналитической деятельности происходит осмысление причинно-следственных связей явлений действительности. Рождается тенденция объяснения мира из него самого, а не при помощи ссылок на Богов, потусторонние силы. Из этого логично вытекает типично утилитаристский способ практического, а не магического воздействия на мир. Утилитаризм в целом стимулирует поисковую мыслительную деятельность человека, его можно назвать микрорационализмом. Однако «утилитаристская арифметика», основанная на подсчете выгод и потерь, не дотягивает до подлинного рационализма. Дело в том, что утилитаризм недальновиден – сосредоточенный на решении частных задач, он не озабочен проблемой поиска всеобщих законов бытия. Тем не менее утилитаристский здравый смысл есть исторически наиболее ранняя форма рассудочного осмысления мира, этап рационализации мышления. Подтверждения тому можно обнаружить у разных авторов. Например, Э. Блох утверждает: «...нужда первой учила мыслить. Правда, чисто человеческое мышление тем самым еще не развивается, поскольку оно в спринтерском темпе пробегает длинные отрезки ради получения быстрой пользы. Медленное дыхание Исследующего

требует времени, если он хочет определить, что происходит, даже когда нечего положить в рот ... Другими словами, мышление может стать глубоким, если оно разбужено нуждой» [1, с. 56].

Утилитаризм внутренне неоднороден. Можно выделить два основных типа утилитаризма, отличающиеся друг от друга устанавливаемыми ими способами достижения благосостояния: умеренный – экстенсивный и развитой – интенсивный.

В рамках утилитаризма экстенсивного типа основным способом увеличения объема благ представляется их наращивание за счет перераспределения, присвоения, накопления уже существующих благ. Умеренный утилитаризм задает потребительское отношение к инновациям – ориентирует на использование, распространение уже созданных новшеств.

Утилитаризм интенсивного типа основным способом наращивания благ утверждает развитие технологий благопроизводства, повышение эффективности производственной деятельности. Развитой утилитаризм расширяет инновационную активность, нацеливая не только на использование и распространение, но на создание и внедрение новшеств. Тем не менее инновационная активность в рамках утилитарно ориентированной ментальности носит ограниченный полезным изобретательством характер. Утилитарное отношение к окружающему миру, к жизни не дает мотивационных стимулов для творчества, создания фундаментальных инновационных идей.

Инновационной по своему духу является культура креативного типа. Креативизм рождается в результате осмысление мира как высшей ценности и цели существования человека. Креативная стратегия бытия – это стратегия творческого созидания мира, осуществляемого в соответствии с пониманием его сущности, законов. Мировоззренческую основу креативизма составляет концепция ноосферы, в рамках которой человеческий разум выступает как созидательная, изменяющая облик нашей планеты и ближайшего космоса сила [2]. Человеческая деятельность в рамках креативизма приобретает творческий характер, соответственно креативная культура – культура открытого, притягивающего потоки инноваций, типа.

Важнейшим смысловым элементом, превращающим инновационную деятельность в смысложизненную ценность, является не просто развитие представлений о потребностях, но качественно новое понимание таковых, а именно превращение в насущную потребность – потребность в самоактуализации. Маслоу называет эту потребность метапотребностью, ее суть заключается в стремлении к развитию и использованию своего творческого и интеллектуального потенциала [7].

Формирование потребности в самоактуализации кардинальным образом изменяет интересы людей. Последние уже не сводятся к набору определенных материальных благ, но определяются как возможность и доступность творческой деятельности. Богатство в таком контексте ассоциируется не столько с обладанием теми или иными материальными благами, сколько с творческими способностями, владением информацией, имущественная собственность уступает место интеллектуальной собственности [4]. Э. Фромм выражает это отличие при помощи понятий «иметь» и «быть». Он констатирует: «Когда человек предпочитает быть, а не иметь, он не испытывает тревоги и неуверенности, порождаемых страхом потерять то, что имеешь. Если я – это то, что я есть, а не то, что я имею, никто не в силах угрожать моей безопасности и лишить меня чувства идентичности. Центр моего существа находится во мне самом; мои способности быть и реализовать свои сущностные силы – это составная часть структуры моего характера, и они зависят от меня самого» [11, с. 131].

Подобно утилитарной культуре креативная утверждает в качестве модели воссоздание культуры и общества расширенного воспроизводства. Однако в отличие от утилитаризма, в рамках которого расширенное воспроизводство опирается на тактику поиска ситуационно продуктивных форм деятельности, креативизм полагает расширенное воспроизводство как стратегию жизнедеятельности. Это различие отмечает Тоффлер, который пишет: «Технократическое планирование является кратковременным... Технократы обычно страдают от собственной близорукости, они инстинктивно мыслят о немедленных выгодах и немедленных последствиях... Чтобы выйти за пределы технократии, наши социальные и временные горизонты должны простираться на десятилетия и даже поколения в будущее» [10, с. 375].

Смыслообразующим принципом культуры креативного типа выступает принцип самоорганизации – принцип формиро-

вания стратегий деятельности на основе разумной реконструкции, совершенствования имеющегося опыта с учетом постоянно изменяющейся реальности. В основании самоорганизации лежат «механизмы сборки» – анализ и синтез различных элементов действительности. Как полагает Н. Моисеев: «В результате действия механизмов сборки возникают новые образования, обладающие новыми свойствами, не имеющими аналогов» [8, с. 206]. Любопытно в этой связи мнение П. Драккера, полагающего, что инновационный строй мышления заключается в способности сконструировать и разработать из уже существующих, известных элементов что-то новое, до сих пор неизвестное и еще несуществующее. «Характерной чертой новатора является способность увидеть систему там, – утверждает Драккер, – где другим видны только не связанные между собой элементы» [3, с. 147]. Специфической особенностью креативной культуры является установка на постоянное наращивание творческого потенциала и его реализацию в самом ходе развития. Культура креативного типа по определению инновационна, при этом в качестве движителя инновационной активности выступает не погоня за прибылью, но познавательно-теоретический интерес.

Труд в креативной экономической культуре – рассматривается не как условие и не как средство, но как цель. Соответственно труд носит творческий – созидательный характер, происходит интеллектуализация труда. Превращение творческой деятельности в потребность человека, делает труд основным способом удовлетворения потребностей. Соответственно максималистская этика труда, в рамках креативизма, опирается не на материальные, но на творческие стимулы – введение труда в разряд смысложизненных ценностей. Креативизм выступает смысловой основой особого типа предпринимательства, предпринимательства, связанного с производством и внедрением интеллектуальных, базирующихся на информации, технологий.

В заключение хотелось бы выделить два момента.

Первый. Традиционализм, утилитаризм, креативизм – система идеальных типов, толковать которую следует не как саму реальность, но как модель познания реальности, как инструмент анализа инновационного потенциала тех или иных исторически сложившихся социокультурных общностей. Любая культура в прошлом и настоящем являет собой некий микст традиционализма, утилитаризма, креативизма; различия заключаются в пропорциях и приоритетах. Например, традиционализм лидирует в системе смысловых мотиваций жизнедеятельности традиционного аграрного докапиталистического общества, возникшего в результате неолитической революции и просуществовавшего в Европе вплоть до Нового времени, т.е. до начала модернизации и индустриализации. Утилитаризм занимает ключевые позиции в системе ценностно-смысловых мотиваций жизнедеятельности индустриального общества, возникшего в Европе в Новое, а в России в Новейшее время, и просуществовавшего вплоть до наших дней. Наконец, креативизм являет собой семантический стержень постиндустриального общества, которое начинает формироваться в развитых западных странах во второй половине XX века. Конечно, соотнесение типов культуры с типами социально-экономического бытия достаточно условно – история культуры не укладывается в простую смену типов, все они продолжают воспроизводиться, образуя причудливые сплетения.

Второй. Определение культуры как семантического каркаса человеческой деятельности не означает, что сложившаяся культура довлеет над обществом как некий фатум. Культура – самоорганизующаяся система, следовательно, она изменяется. При этом такого рода изменения могут происходить не только спонтанно, но и целенаправленно, организованно и осознанно. Иными словами культуру можно формировать, создавая условия для максимизации инновационного семантического потенциала и минимизации антиинновационных смысловых элементов. Важно понять, что формирование инновационной активности не сводится к освоению некоей суммы инновационных технологий. Воспитание инновационно мыслящей личности не технологическая, но мировоззренческая проблема. И важную роль в ее решении играет такая, ныне не очень популярная сфера знания, как философия. Поэтому широко распространенный сегодня взгляд на философию, как на некий сковывающий инновационный поиск рудимент культуры, более чем несостоятелен.

1. Блох Э. Тюбингенское введение в философию: Пер. с нем. Екатеринбург, 1997. 400 с.

2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2009. 576 с.

3. Драккер Питер Ф. Управление, нацеленное на результаты: Пер. с англ. М., 1994. 200 с.
4. Иноземцев В. Расколотая цивилизация. М., 1999. 317 с.
5. Мамардашвили М.К. Необходимость себя / Лекции. Статьи. Философские заметки / Под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М., 1996. 432 с.
6. Маршалл Салинз. Экономика каменного века: Пер. с англ. М., 1999. 296 с.
7. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999. 425 с.
8. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М., 1998. 224 с.
9. Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем. СПб., 1785. Ч. 2. 38 с.
10. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. 464 с.
11. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. М., 2004. 384 с.
12. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство / Избранные труды. М., 1989. 492 с.
13. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. 456 с.
14. Яркова Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества // 2002. № 2. С. 88–101.
15. JevonsW.S. Theory of Political Economy. L., 1924. 287 p.

1. Bloh Je. Tjubingenskoe vvedenie v filosofiju: Per. s nem. Ekaterinburg, 1997. 400 s. (Russian).
2. Vernadskij V.I. Zhivoe veshhestvo i biosfera. M., 1990.576 s. (Russian).
3. Drakker Piter F. Upravlenie, nacelennoe na rezul'taty: Per. s angl. M., 1994. 200 s. (Russian).
4. Inozemcev V. Raskolotaja civilizacija. M., 1999. 317 s. (Russian).
5. Mamardashvili M.K. Neobhodimost' sebja / Lekcii. Stat'i. Filosofskie zametki / Pod obshh. red. Ju.P.Senokosova. M., 1996. 432 s. (Russian).
6. Marshall Salinz. Jekonomika kamennogo veka: Per. s angl. M., 1999. 296 s. (Russian).
7. Maslou A. Novye rubezhi chelovecheskoj prirody. M., 1999. 425 s. (Russian).
8. Moiseev N.N. Sud'ba civilizacii. Put' Razuma. M., 1998. 224 s. (Russian).
9. Russkie poslovicy, sobrannye Ippolitom Bogdanovichem. SPb., 1785. Ch. 2. 38 s. (Russian).
10. Toffler A. Futuroshok. SPb., 1997.464s. (Russian).
11. Fromm Je. Imet' ili byt'? Radi ljubvi k zhizni. M., 2004. 384 s. (Russian).
12. Chajanov A.V. Krest'janskoe hozjajstvo / Izbrannye trudy. M., 1989.492 s. (Russian).
13. Shackij E. Utopija i tradicija. M., 1990. 456 s. (Russian).
14. Yarkova E.N. Utilitarism kak stimul samoorganizacii cul'tury i obshestva// Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2002. No. 2. P. 88–101 (Russian).
15. Jevons W.S. Theory of Political Economy. L., 1924. 287 s. (English).

UDC 316.4

VALUE–SEMANTIC ASPECTS OF INNOVATION ACTIVITY: TOWARDS THE METHODOLOGY STUDY

Yarkova Elena Nikolaevna,
Tyumen State University, professor of the chair of philosophy, doctor of philosophy, Tyumen, Russia.
E-mail: mimus.lena@mail.ru

Annotation
The problem of the analysis of the innovative potential of the society may be concretized as the problem of analysis of culture - value-semantic basis of human activity. There are both innovative and antiinnovative cultures by their semantic content. Traditional culture is antiinnovative, closed to innovative flows, static culture, within which all human activity is located transmitted from generation to generation traditions. Partly innovative is utilitarian, more or less open to the flow of innovation, culture, within which human activity is located to the principle of good. However, the innovation activity in the utilitarian oriented mentality is situational limited useful. Creative culture is innovative, attracts streams of innovation, culture, within which human activity acquires creative nature. Typological triad – traditionalism, utilitarianism, creativism should be considered as a tool to analyze the innovation potential of the society.

Key concepts:
innovation, activities, culture, traditionalism, utilitarianism, creativism, innovative activity, innovative receptivity.